

СВЯЩЕННИК
ТИМОФЕЙ АЛФЕРОВ

ЧЪЕМ ВОСКРЕСЕНИИ МЕРТВЫХ

Тимофей Алферов

Чаем воскресения мертвых

«Издательство «Перо»»

2019

УДК 23/28
ББК 86.372

Алферов Т.

Чаем воскресения мертвых / Т. Алферов — «Издательство
«Перо», 2019

ISBN 978-5-00150-097-1

В книге приводится разбор оснований христианской веры в воскресение мертвых и посмертные воздаяния. Как выразилось это чаяние в Священном Писании, в истории человеческой мысли, в истории служения Иисуса Христа.

УДК 23/28

ББК 86.372

ISBN 978-5-00150-097-1

© Алферов Т., 2019
© «Издательство «Перо», 2019

Содержание

Предисловие	6
От смерти к вечности	7
Он обещал вернуться	12
Конец ознакомительного фрагмента.	16

Священник Тимофей Алферов

Чаем воскресения мертвых

© Священник Тимофей Алферов, 2019

Предисловие

Предлагаемый сборник целиком посвящен теме жизни вечной. Вначале приводятся работы недавних лет, очевидным образом незаконченные. Однако автор счел возможным их все-таки включить в общий сборник, потому что они дают постановку тех вопросов, ответ на которые последует потом, в центральной статье, именем которой названа вся книга. И в качестве дополнений, разъяснений, сопутствующих материалов приводятся последние три статьи. Там затрагиваются подробнее некоторые темы, косвенно поднятые в центральной статье.

От смерти к вечности

Абсолютное знание

Хотя бы как-то озаботившись любыми вопросами религии, мы непременно должны подойти к вопросу о вечности.

В самом деле, есть ли такое наше знание о чем-либо в мире и о самих себе, где у нас был бы однозначный четкий ответ с совершенно очевидным прогнозом на будущее? – Мы обладаем только одним таким знанием.

Мы не знаем с точностью структуру атома и Вселенной, там много загадочного, вопросов больше, чем ответов. Мы не знаем точно, как устроена и функционирует живая клетка, еще менее знаем о том, как она могла бы возникнуть. Мы не знаем, что произойдет в мире завтра: ни политические прогнозы, ни прогнозы погоды не бывают точными. И только одно сведение о своей жизни мы знаем совершенно досконально: наступит такое "завтра", когда нас на этой планете не станет.

Сцена в зале духовной академии. Переводчица представляет русским слушателям греческого епископа и богослова. Перечисляет его титулы и звания. Собеседник, не понимая по-русски, но догадываясь, что длинный список заслуг относится к его персоне, добавляет с кроткой улыбкой по-гречески: "ну, а потом он умрет". Переводчица переводит со смущением на лице.

Задумаемся об этом нашем знании. Это наше единственное полное и достоверное знание, касающееся лично меня и тебя, а не просто человечества вообще. Мы можем совершенно не бояться потухания солнца или коллапса вселенной. У нас есть знание более достоверное: нас лично такие процессы не успеют коснуться.

Люди не могут чего-либо знать без своего отношения к этому знанию.

Вот три варианта отношения к этому единственному знанию. Во-первых, отмахнуться, во-вторых, высмеять его шутками типа "ваши похороны без вас не начнутся", в-третьих, принять.

Первые два выхода не очень хороши. Иногда они до некоторой степени полезны – в качестве анестезии. Чтобы не терять жизненного оптимизма. Но потом само содержание нашего Абсолютного Знания (назовем его так) затребует свое: никакая анестезия против него не поможет, ибо это Знание абсолютно.

И прежде чем говорить о том, правильно ли человек определился с религией, нужно поставить вопрос: не ошибся ли он со вселенной? Та вселенная, где живет твое тело, совпадает ли с той, которая представляется в твоей голове? При слушании поздравлений и тостов на тему счастливого долголетия, порой кажется, что люди ошиблись вселенной, а не религией.

Остается третье: принять факт своей смерти. И тут на дыбы встает вся наша природа, весь наш жизненный опыт. Они громко скажут: нет, я не хочу это принять. Поэтому постараюсь вновь отмахнуться и отшутиться. Зачем мне думать обо всем этом? Надо обед готовить. В этом-то и глубокое онтологическое противоречие: если человек будет хорошо помнить только свое Абсолютное Знание, то жизнь на земле, действительно, станет невозможной. Наш жизненный оптимизм – столь же Абсолютное Стремление духа (назовем его так), сколь и абсолютно наше единственное Знание. Мы хотим жить столь же глубоко, сколь и сознаем свою обреченность на смерть.

Даже самоубийство лишь подтверждает конфликт Абсолютного Стремления (к жизни!) и Абсолютного Знания – о смерти. Самоубийца хочет жить, именно жить и именно в абсолютном

смысле, но так как у него это не получается на земле, то он из двух зол выбирает меньшее, а не из двух благ лучшее!

Есть ли возможность примирения Абсолютного Знания с Абсолютным Стремлением? – Это именно тот вопрос (опять: **Абсолютный** вопрос), которым должна заниматься религия. Причем только им, и прямо сейчас. Слишком долго откладывать такой вопрос не получится.

Знаменитый писатель Клайв Льюис, не раз глубоко разбиравший эту тему, однажды заметил устами своего героя: **смерти предшествует умирание** ("Пока мы лиц не обрели"). В том контексте речь идет о смерти на поле боя от раны, но на самом деле этот принцип всеобщий. Абсолютное Знание соприкасается с нами по жизни. Баба с косою стоит за нашим левым плечом всегда, просто щекочет она нас своим инструментом не каждый день, но к старости – обычно чаще. До какой-то степени ее щекотка деликатна, мы можем сколько-то отмахиваться от нее, но ведь не постоянно же!

И щекотка ее – не только наши болезни, не только смерть близких и ровесников. Но и жизненные итоги. В том числе и разочарование жизнью. Даже успешной (по понятиям мира сего) жизнью. Конечно, человеку чего-то достигшему и что-то совершившему труднее это заметить, но Абсолютное Знание докажет свое всегда. Например, так: что толку, что ты людям подарил огонь с небес, Прометей! Посмотри, как успешно они им друг друга жарят! Ты подарил людям колесо, порох, космическую ракету, антибиотики, сотовую связь и интернет? От любого твоего изобретения исходят весьма неоднозначные последствия. Есть благодарные тебе люди – а есть и не очень благодарные. Причем те и другие умрут, раньше или позже тебя, и все подаренное тобою им там не понадобится. Или ты ничего людям не подарил? Такого, что могло бы тебя пережить? – Скажи, чем в таком случае твоя жизнь отличалась бы от жизни животного по своему итогу? Ведь ты умел думать и любить, казалось бы, что этим превосходишь животных, – но почему смерть уравнивает вас в бытии и превращает в одинаковые кучки праха?

Вот голос умирания, которое предшествует смерти.

Мы все боимся **умирания** в смысле предсмертного страдания. Не боятся его лишь святые и герои (они его **уже** пережили и смогли победить), да, пожалуй, еще умалишенные. Но вопрос в другом: боимся ли мы смерти? Смерти как небытия. Все будет: птички поют, цветы цветут, солнышко светит, а нас тут нет, как не было. И никогда не будет. И вообще, никакой жизни нам не светит! Не есть ли это тот самый "вечный покой", который, как поется в песне, "сердце вряд ли обрадует"? (Кстати, Библия обещает нам не вечный покой, а вечную жизнь – почувствуйте разницу, даже если пока не очень верите).

Так вот, смерти, как небытия, как отсутствия, боятся немногие люди в не частые моменты жизни. Одни научились отмахиваться от "щекотки косою", другие просто уже имеют какой-то ответ и надежду. Но, если они ее имеют, то потому лишь, что уже прошли через долину этого метафизического ужаса своего небытия. И ответ не **нашли**, а **получили** – тоже важное различие. Потому и поверили ему и приняли, что получили, а не сами нашли.

Варианты ответов

Вариантов ответа не слишком много. Коловращение души в разных телах? Конфликт Абсолютного Стремления с Абсолютным Знанием, умноженный на большое число твоих жизней? Чертово колесо перевоплощений, каждое из которых наполнено своими страданиями: в этой жизни, ты – человек, мучимый знанием о своей смерти, в следующей – ты лягушонок, не мучимый таким знанием, пока не шелкнут створки аистинного клюва и процесс возобновится. Кончиться все это должно тем, что от личности человека, от его любви, желаний, радости, просто ничего не останется. Оставшееся от всего этого даже не сможет сказать о себе: я; оно просто растворится в нирване. Нравится вам такой ответ? – Многим почему-то нравится.

Есть и другой ответ. Попасть (и пасть) перед Тем, Кто все это устроил. И, в общем-то, высказать Ему все, что ты по этому поводу думаешь, все, что надумал за свою земную жизнь. Этот вариант достоин более серьезного рассмотрения, он нам всем знаком, хотя бы понаслышке, а пока просто констатируем, что кроме трех больших вариантов, человечество ничего серьезного пока не придумало, да и логически придумать нельзя.

1. Исчезновение, вечный покой, когда твой истлевший череп ничем не отличается от камня седой пирамиды.

2. Кругооборот перевоплощений, пока твоя личность не изотрется в пыль.

3. Встреча с Виновником. С Любимым или Ненавидимым. С Отцом или с Тираном. Важно, что лицом к Лицу.

Как бы мы ни отнеслись к трем вариантам, но только в третьем случае нам предоставлена некоторая свобода и самостоятельность. Кармические круги или небытие (если сказанное о них окажется правдой) не дадут нам возможности что-то свое вложить в решение вопроса о смерти. Нас не станет, или мы будем крутиться в чертовом колесе – то и другое не зависит от того, хотим мы этого или нет; нас об этом не спросят. Поэтому есть смысл продолжать наш разговор только в том случае, если, покинув тело, мы окажемся перед Тем, кто создал этот мир и нас в нем, и заложил основу конфликта между Абсолютным Знанием и Абсолютным Стремлением. Если Он есть, нас ожидает встреча с Ним, интересный диалог с важными последствиями. Если Его нет, то и вопросов по нашей теме больше не останется.

Вера в Творца

Теизм, религия Живого Бога, предлагает веру в Творца, устроившего мир разумно и с любовью к созданиям, прежде всего к человеку. Однако предполагается, что человеку дана нравственная свобода: принять Творца, полюбить Его, захотеть быть с Ним вечно. Или отказаться от всего этого. А наше Абсолютное Стремление, ощущаемое нами в себе, объясняется именно тем, что наш Творец создал нас для бессмертия. Мы предназначены к бесконечной жизни. Нашу свободу на сам факт этой жизни Бог не распространил, не дал нам возможности самим уничтожить себя до конца – часть Своего Великого Творения. Мы не знаем, для чего Он так сделал.

Обо всем этом Он заранее рассказал в своем Писании. Именно потому, что Он живой, разумный и любящий, желающий, чтобы Его творения любили Его и были в этом бесконечно счастливы.

Так веруют теисты: иудеи, христиане, мусульмане. Христиане прибавляют еще, что известное первое согрешение первого человека Адама – это реальный факт, имеющий прямые последствия для нашего мира, в котором возникло много человеческого греха и всякого зла, с этим связанного. Грех породил смерть. Именно потому, что нет людей безгрешных, нет и людей бессмертных в этом теле. Но возможность будущей жизни в таких условиях открыта нам через явление Иисуса Христа – воплотившегося Слова Божия.

В любом теистическом взгляде задача нашей жизни – восстановить отношения с Создателем, научиться жить с Ним в Его Царстве, по Его порядкам. Нас ожидает иное бытие. А приготовиться к нему нужно сейчас.

Конфликт Абсолютного Знания и Абсолютного Стремления показывает нам, что зло в мире существует, несчастий много, и корень их лежит очень глубоко. Есть смысл поверить христианской версии: свершилась катастрофа в нравственном мире через согрешение человека, а выправляется она только самим Богом во Христе Иисусе. И с сохранением нашей свободы. Нас поистине есть от чего спасти! От греха, от бессмысленности жизни, от умирания, от тех самых щекотаний косы, о которых сказано выше, наконец, от мучения вечного. И это спасение не придет против нашей воли.

Мысль о вечных мучениях проповедуется и в христианстве, и в исламе, и в иудаизме. Причем всюду принимается, что Бог добр и милосерд, а грешник страдает за грехи земной жизни, за то, что не воспользовался в ней Божиим стремлением исправить его самого. Но как милость Божия совмещается с вечным мучением хотя бы кого-то? Не имея ответа на этот вопрос, многие отворачиваются от теистического (т. е. библейского) взгляда совсем. Напрасно.

Свобода твари

Мы просто с трудом представляем себе, какой прекрасный и тяжкий дар мы получили в своей нравственной свободе. Свобода эта ограничена. Мы не можем сами придумать себе предназначение своей жизни. Мы не можем сделать из ничего нечто, и на месте небытия устроить свой собственный мир в противовес Божьему миру. Мы не можем сделать добром стремление твари к независимости и к свободе от Творца. Во всем этом мы не свободны. Этот порядок установлен не нами. Но мы вольны в том, чтобы его не принять.

По крайней мере, согласимся: то, что в жизни прекрасно и дорого стоит, является трудным. Свобода наша дала нам радость любви. Любовь и на земле приносит радость даже сквозь страдания. И вот у нас есть драгоценность – тяжкое бремя великой свободы, которое мы можем обменять на любовь и счастье.

Но эта свобода – тяжелая вещь. Много нужно принять сердцем, согласиться с радостью.

Во-первых, принять саму свободу в ее ограниченности. Я не червяк, ибо свободен и сознателен, но я и не Бог, чтобы построить свой мир и задать свои цели в нем. Я создан для прославления Бога. Никто не спросил меня, хочу ли я вообще быть. Не спросил: хочу ли я быть свободным, но вот, я есмь, и уже свободен, а цель, для которой я создан, поставлена не мною. Готов ли я это принять и поверить, что такой порядок создан любящей рукою?

Во-вторых, готов ли я принять эту цель своего бытия: прославление Бога-Творца? Я еще не видел Его во славе, должен поверить ей прежде. Я должен принять, что Он поистине достоин хвалы, а я должен быть Ему благодарен за собственное бытие. Я имею на земле возможность отвернуться от Него и заняться тем, что мне нравится, получая при этом всякую секунду от Него дары своего бытия. И я призван осознать, что такое поведение на самом деле гадко, неблагодарно, что идя этим путем, я никогда не достигну Его любви. А без нее буду обречен. Такое состояние свиньи под дубом кончится со смертью тела. Мы придем в страну большей реальности, чем сейчас. Пока мы еще можем принять любое проявление природы, как «не подписанное», существующее словно бы само по себе. Жуя яблоко, можем не думать, кто его нам подарил. А там каждый глоток воздуха будет свидетельствовать: я от Бога, каждый листок споет: я – Божий. Его вездеприсутствие там – и есть условие наслаждения Его любовью для любящих. Соответственно – дикая мука для остальных.

Третью проблему обозначим образно: я должен стать монархистом и перестать быть революционером-демократом. У Бога на Небесах абсолютная монархия. Всегда бессменная. Творец абсолютно превосходит меня и все творение по своему могуществу (настанет момент, когда это станет всем очевидно). И вот тут останется «коварный дар» свободы: никогда и никому не станет так же очевидно, что Его могущество спаяно со столь же абсолютным превосходством по благости и милосердию. В это останется только **поверить**. Сказать абсолютно честно: я верю, что Ты действительно любишь! Сказать так в тот момент, когда солгать невозможно.

О, как это не просто чадам нынешнего века, воспитанным на романтике бунта, соединившим в сознании революцию с бархатом и с цветочками: розами да тюльпанами! Мы настолько крепко привыкли, что сильный – это тиран, а не отец, что в Отца поверить нам совсем не легко. Неблагодарность к Богу и внутренний бунт против Него – это очень серьезные реальности нашей жизни. Пока наша жизнь не посвящена сознательно Богу, мы на самом деле, или

игнорируем Бога, или враждуем против Него, и эти постоянные наши действия формируют нас самих.

Можно логически показать, что Бог существует. Можно научно доказать, что мир наш построен на дивной гармонии Его законов, а, значит, у мира – разумный Творец. Можно сказать и так: если мы можем любить, то Вложивший в нас такое качество понимает толк в любви лучше нашего. И это останется доводом в пользу того, что Бог нас любит, но лишь до той поры, пока мы сами не перестанем ощущать любовь Божию. Аргумент «от любви» – это не доказательство, а предмет веры.

Представляете, сколько на самом деле может выставить претензий Творцу Его обиженная тварь: зачем Ты меня создал без спросу, заставляешь поклониться Себе, почему вся власть только у Тебя, почему от Тебя нельзя уйти и жить отдельно? Почему, наконец, даже нельзя покончить с собой, чтобы не видеть Твоих Небес и счастья на них Твоих подхалимов! Свободная тварь обладает способностью отнестись к Творцу и **вот так!** И чем ближе к ней Творец, тем злее будут все эти претензии. А мы вполне уверены, что сами их никогда не выставим?

Милосердный Бог выше мести. Адских углей и сковородок может и не быть. Ад – это наверняка наиболее милостивое решение Бога к тем, кто отвергает все Его милости. То «место» или то состояние, где Божие присутствие ощущается меньше всего. И это лучше для его насельников, ибо близость Бога, купание в Его милости, для них совсем уже непереносимо.

Но и в аду человек не убежит от себя, от своего недовольства, от своего ропота и зависти. Неприязнь к Богу перерастет в ненависть. Ненависть будет морально оправдывать себя приведенной выше аргументацией, и тем закрепляться больше и больше. Она изыщет и еще тысячи претензий к Богу личного характера, типа: почему Ты на земле не дал мне того и другого?

Но возможность, близость, доступность такой ненависти дает другой своей стороной и высокую цену любви. От человека все-таки требуется определенная «личная заслуга». Не в каких-то конкретных делах, за которые можно было бы просить награды, а именно в такой вере и любви, в такой доверии к Богу, которое не будет возможности заменить никаким подхалимством. Эту любовь и веру человек призван явить на земле, когда сотни голосов осудят его за это. А может быть, такое испытание предстоит нам в адском преддверии.

Как устоять в любви к Творцу без лицемерия? Когда немало людей и бесов вжужжат в ваши уши всю кратко приведенную выше «апологию ада» во множестве ее подробностей? Христианин всегда помнит одно. Бог любит нас нелицемерно, а доказал Он это тем, что в лице Иисуса Христа явился на землю Сам, и как человек выдержал ту же самую борьбу против сил ада. Перенес и страдания, и искушения. Наверное, это было не напрасно! Наверное, потому, что наше искушение нашей свободой столь же серьезно и тяжело. На земле мы ведем борьбу с этой логикой ада, живущей в нас самих. И каждый наш грех ее укрепляет. Победить ее под конец всех испытаний мы сможем лишь живой верой и памятью о том, что Божья любовь к нам нелицемерна, омыта и освящена кровью Христа.

Лишь эта любовь и эта святая кровь посылает «логику ада» в преисподнюю. Она способна и вас освободить. Освободить вопрос вечный от его прозвища: проклятый.

Он обещал вернуться

В последние десятилетия и даже века не было недостатка в предвозвестниках конца света. Назначали дату, уводили людей в пустыни, горы или пещеры, а потом все пророчества не сбывались, люди разбредались, и жизнь возвращалась на круги своя. За две тысячи лет накопилось уже столько разочарований, что и самые евангельские строки на эту тему воспринимаются как бы в переносном смысле или просто остаются незамеченными. Похоже, люди устали ждать.

Когда устают ждать, начинают жить тем, что есть, а не тем, что будет. Жить тем, что есть, не означает только есть, т. е. заниматься накопительством и удовлетворением потребностей. Можно делать и дело Христово – свидетельствовать о нем. И это делается. Находятся авторы и проповедники, которые вновь и вновь пересказывают евангельскую историю в том контексте античной жизни Палестины, который им известен. И каждое такое свидетельство окрашивается и личными размышлениями, личными призывами авторов, их личными догадками или фантазиями. Каждое такое свидетельство ценно именно этим, своим личным восприятием. Будь ли то книга святителя Иннокентия Херсонского или труд бывшего раввина Альфреда Эдершейма, картина Рембрандта или фильм Мэла Гиббсона. Нет числа и конца всем свидетельствам! Начало им, по сути дела, положили сами евангелисты. Любой автор дает свою интерпретацию событий, но в ней отчасти раскрывает и итог своего личного поиска. Что дал Христос мне самому Своим пришествием и страданием? Как убедить мне вас, слушателей и зрителей, что Он действительно изменил мою жизнь, сделал меня другим? Тот же дар Он хочет дать и вам, если пожелаете принять.

И тот, кто *имеет свидетельство Иисуса Христа*, тот понимает таких рассказчиков, а зачастую и сам включается в подобную же свидетельскую деятельность. В этом апостольском выражении: иметь свидетельство Иисуса Христа, – есть некоторая нарочитая двусмысленность. Неясно поначалу, кто о ком свидетельствует: я о Христе или Христос во мне и для меня? Но тому, кто имеет свидетельство, вскоре становится ясно: верны оба смысла сразу. Дух Божий свидетельствует нам о спасительной силе Христовых страданий для того, чтобы и мы сами стали Ему свидетелями. Свидетельство, таким образом, становится обоюдным, оно и Божеское, и человеческое. Оно и возможно из человеческих уст лишь потому, что появился его предмет: человек нашел драгоценный евангельский бисер и оценил, что по сравнению с ним все его прежде разделяемые ценности мелки и недостаточны, а то и вовсе ничтожны. Многое можно бросить ради удержания драгоценного сокровища веры в прекрасного евангельского Бога, способного сострадать человеку, – и человек свидетельствует об этом.

Да и сами свидетельства очень отличаются по форме. У кого книга, у кого картина, у кого песня или на худой конец рассказ со сцены, как я, дескать, был спасен Христом из героинового ада. Разные люди нуждались в спасении страданием и смертью Христа. Кто-то расскажет: смотрите, я вот, бросил пить, а другой вроде и не пил до своего обращения, но оба нуждались в спасении, оба нуждались в Спасителе. Оба уверовали, что спасение подаст им страдающий Бог, ставший нарочно для этого таким же как мы человеком из плоти и крови, только без греха. И суть их свидетельства одна: у нас появилась другая жизнь. У нас появилась цель. У нас появилась хотя бы иногда переживаемая, ни с чем несравнимая радость о Господе. Мы в Сыне Божиим сумели познать Бога в качестве Небесного Отца. Короче, на земле мы теперь живем по-другому. В хорошем случае это бывает заметно и постороннему глазу. Наши знакомые могут увидеть в нас некие изменения в лучшую сторону. Правда, им еще нужно будет осмыслить, а нужно ли это вообще, нужно ли это лично им, и связано ли это с канвой евангельского рассказа, а не с нашим самовнушением. Но в том-то и дело, что наше свидетельство может отразить лишь то, что происходит на земле. Мы ни в коем случае не можем свидетель-

ствовать о чем-либо небесном, как свидетельствовал Иисус. Мы можем повторить Его слова и дать им свою (или церковную) интерпретацию, но мы не в силах принести небесное свидетельство, как свое.

Мы говорим человеку: вот видишь, Он же изменил мою жизнь. Собеседник отвечает: да, изменил. Да, христианство твое может пригодиться на то, чтобы перестать быть таким негодяем, каким ты был раньше. И может быть, это имеет смысл. Но и при этом относительно того, что нас ждет за смертным порогом, мы с тобою по-прежнему равны, ибо равно не знаем ничего. Всего-навсего, что ты мне можешь рассказать и показать, это то, что ты пытаешься лучше жить (да и то не всегда удается), но ты никак не можешь засвидетельствовать две вещи: что Иисус действительно дал тебе жизнь вечную, и что дать ее мог только Он и больше никто и ничто.

Логичная концовка. На этой точке мы начинаем разводить руками: мол, вольному воля, спасенному рай. Не хочешь не верь. Действительно, заставить поверить нельзя, а понятные подтверждающие свидетельства всегда будут недостаточными.

Но хуже другое. А сами-то мы, христиане, сталкиваясь раз, другой и третий с трудностями своего свидетельства, с его принципиальной ограниченностью, не начинаем ли постепенно переключаться лишь на то, что дал нам Господь для нынешней жизни? Вот пример из очень хорошего эссе Ильи Стогова «Страсти Христовы». Книга обращена к человеку неверующему или прохладному, написана с умом и сердцем, может кого-то задеть за живое. Но вот, несколько пространная выписка из ее концовки.

«Если вы состоите в браке, то, наверное, знаете: суть супружества не в том, чтобы достичь чего-то этакого, а в самом супружестве. Просыпаться и радоваться тому, что рядом с тобой тот, кого любишь. На протяжении дня делать друг другу приятное. Вечером вспоминать о пережитом вместе и говорить: «Спасибо, что ты была со мной». И слышать в ответ: «А тебе – что ты со мной». Христианство очень похоже на счастливый брак. Христианство – это путь. Долгая жизнь рядом с кем-то другим. Можно уйти в горы или пустыню, достичь высот самопознания и просветления и стать великим йогом. Но христианином так не станешь. Христианин – это тот, кто не бывает один. Христианин это тот, кому нужны другие. И особенно – Другой...»

История, которую христианство рассказывает миру, – это притча о блудном сыне. Этот юноша оказался там, где и должен был оказаться: в объятиях отца.

А вы?

Ответ на вопрос, что изменилось после Голгофы, прост. Для сына изменилось все. Он пережил главное приключение своей жизни. А для тех, кто вместе с ним пас свиней на чужбине, но отказался возвращаться домой, – для них все осталось прежним. Сын услышал самые прекрасные слова на свете... А свинопасы этих слов не услышали. Они и годы спустя протирали глаза по утрам, чувствовали привычный запах и шли пасти свиней. В их жизни ничего нового не произошло. И уже не произойдет».

Но автору здесь возразит само Евангелие: в том-то и дело, что произойдет. Произойдет нечто довольно страшное. Нечто потрясающее. Не будут все свинопасы годами спокойно протирать по утрам глаза. Когда-то наступит и последнее утро мира! И об этом Христос говорил нередко, один раз уже буквально с крестом на плечах, а потом и после своего воскресения.

Впрочем, Илья Стогов выразил здесь чувства многих христиан. На сумасшедших апокалиптиков посмотрелись все. Страшилок о страшном суде и вечном воздаянии грешникам наслушались тоже. Уже не раз убедились, как эти страшилки и пугалки плохо действуют на людей, как бы компрометируя здоровые христианские идеи в очах относительно здравомыслящих членов современного общества. Уже все христианские проповедники поняли, что современного человека страхом вечных мук ко Христу не приведешь. И лучше уж ему сказать о блудном сыне и о том, как эта история может с хорошей стороны повториться в его собственной судьбе.

В конце-то концов, – рассуждаем мы теперь, – ведь что зависит от нас и от нашего выбора? Как проводить свою жизнь на земле – и только. Есть смысл помощью Божией приблизить ее к исполнению заповедей. А дальше уж как Бог даст. Бойся Бога и живи по-человечески, а Бог уж поступит с тобою по-божески.

Вроде бы все это правильно, да не совсем так, как в Евангелии. Как ни вчитывайся в слова Христовы, а все же Он рисовал всему миру очень мрачные перспективы. Что-то не очень похожее на долгую жизнь в счастливом браке, на жизненный путь, который человек завершает более-менее спокойно и приходит не просто навстречу отцу где-то в поле, а на пир в чертогах отца.

Христос предсказал космическую катастрофу. Можно сколько угодно смеяться над адвентистами и иеговистами, несколько раз назначавшими дату конца света. Можно считать чепухой любые такие предсказания, исходящие от провидцев да ясновидцев. Но нельзя сделать одного: нельзя полностью переиначить евангельский текст.

Хотя в подобных попытках тоже нет недостатка. Иисус свою беседу о кончине мира переплел с предсказанием о менее глобальной катастрофе: о кончине Иерусалима, о гибели Храма и всей Иудеи. И ряд современных авторов стремятся все «космические термины» из Его беседы на Елеонской горе понимать как стандартные аллегории еврейских пророков, которые такими именно терминами описывали бедствия родной страны, но отнюдь не космические потрясения. В таком стремлении этих современных авторов кроется еще один важный положительный смысл.

Эсхатология оказывается плотно связана с космологией, а через нее и с теологией, и эту связь нельзя нарушить. Скажем проще. Если существующий мир приговорен Богом к смертной казни, хотя бы то было и за человеческий грех, то значит, Бог все-таки не сумел победить грех в мире, излечить мир от греха – даже жертвою Иисуса Христа. Значит, Богу все-таки приходится прибегнуть к грубой силе, а тем самым признать свое поражение? Ведь и так понятно, что Творец этого мира в этом мире самый сильный. И если Он смахнул с доски все фигуры, то значит, Он проиграл, хотя и помешать Ему в этом мире никто не может. И если даже Он начал заново, и более успешно, все равно нет надежды, что получится хорошо. Причем речь идет только об этом мире. В иных сферах Творец этого мира, оказавшийся явно не идеальным, может быть, так сказать, дисквалифицирован.

Перед нами оказывается давно знакомый портрет гностического бога. В «хорошем» варианте гностицизма это бог неумный и слабый; в плохом варианте – откровенно злой, но в любом случае – не единственный и не главный. Оба варианта в Церкви Христовой немыслимы; оба они известны ей давно. Оба сводят Благую Весть на нет. Отвергая этот неприемлемый гностический сценарий, в котором человеку не на что надеяться и нечего ждать, мы вновь возвращаемся к библейской мысли, что мир, устроенный Благим Творцом, сам по себе хорош, хотя и испорчен человеческим грехом, что он подлежит не полному уничтожению, с возможной перестройкой заново, а лишь преобразению. Какова же степень этого преобразования? Каков путь к нему? Почему он обрисован Христом в Евангелии в столь черных красках? Простого ответа здесь нет.

Можно, конечно, отмахнуться, и сказать, что пророческую речь, пророческие образы мы не понимаем. Это верно, по крайней мере, в приложении к таким книгам, как Апокалипсис или «Пастырь» Ерма. Но от того, что записано в Евангелии, во всем остальном Новом Завете на эту тему, отмахнуться сложнее. А записаны там предсказания о Божием суде и космической катастрофе.

Нет сомнения, что апостолы верили в возвращение Иисуса Христа на суд во славе, посреди огня этой самой космической катастрофы, причем само это пришествие, по их мнению, должно было начаться с бедствий Иерусалима, а затем охватить всю вселенную. Они явно не отделяли трагедию Иудеи от кончины мира. Между прочим, в этом заключается яркое сви-

детельство в пользу того, что все три синоптических евангелия написаны до иудейской войны 66–70 г. Автор, писавший Евангелие позже нее, счел бы необходимым отметить, что такие-то предсказания Иисуса об Иерусалиме уже сбылись, а есть еще и другие, касающиеся кончины мира. По крайней мере, в самих речах Иисуса, воспроизводимых по памяти появилась бы какая-то граница, отделяющая явно исполнившиеся пророчества от явно не исполнившихся. Но этого нигде в евангелиях нет. Единственный пример на эту тему, который с большой натяжкой может быть истолкован как некое разделение между пророчествами об Иерусалиме и обо всем мире, содержится в изложении Луки: *и падут от острия меча, и отведутся в плен во все народы; и Иерусалим будет попираем язычниками, доколе не окончатся времена язычников* (Лк. 21, 24). На основании этого единственного стиха многие считают возможным датировать Евангелие от Луки 70-ми или 80-ми годами. Но в том-то и дело, что в следующих строках Лука приводит те же слова, что мы читаем у Матфея и Марка: *так, и когда вы увидите то сбывающимся, знайте, что близко Царствие Божие. Истинно говорю вам: не пройдет род сей, как все это будет. Небо и земля прейдут, но слова Мои не пройдут* (Лк. 21, 31–33). Здесь не выделено в особое предшествующее событие опустошение Иерусалима и его пленение язычниками на некое неопределенно долгое время. Гораздо логичнее предположить, что Лука воспроизводит слова Иисуса, как они запомнились кому-то другому из апостолов, непосредственных слушателей той беседы. А под *временами язычников* вполне логично понимать те самые времена, когда живет и говорит Иисус. В этот самый момент, собственно говоря, когда Он беседует, Святая земля попирается ногами римлян, что все евреи воспринимают, как национальную трагедию. И любой из них согласился бы именно это время (считая от начала Вавилонского плена) назвать для Иерусалима *временами язычников*. А вовсе не какие-то предполагаемые времена от предполагаемого разрушения Святого Града до всеобщей кончины мира. Именно катастрофа Иерусалима и должна знаменовать окончание *времен язычников*, а равно и кончину мира. И не ждите, – как бы предупреждает здесь Христос, будто Иерусалим еще будет переживать в своей истории времена святой свободы для Господа. Нет, он будет попираем язычниками, пока не окончатся их времена. – Так вполне оправданно можно понимать указанный текст Луки.

Подчеркнем снова, что апостолы и все ранние христиане ждали увидеть возвращение Господа во славе при своей жизни. Во всяком случае – при жизни одного поколения. Обещание Иисуса: *не пройдет род сей*, собственно, и поторапливало их выполнить Его поручение: предупредить весь белый свет о приближающемся дне Господнем. Это будет день суда, отградный для угнетенных и неправедно страждущих, но страшный для угнетающих. Не только тема воскресения Иисуса и нашего оправдания в нем, но и тема приближающегося дня Господня была важнейшей составляющей апостольского благовестия, начиная с первых проповедей Петра в Иерусалиме. Это теперь мы рассказываем о Христе и Евангелии, показывая только пряник, а во времена апостолов кнут уже висел на стене, и они не забывали иногда указать и на него. Ведь идея суда – давнишняя библейская идея, и почему-то всегда образы пророков страшны в космическом масштабе. Слушатели апостолов знали про этот Божий бич и хорошо понимали их речь.

Итак, апостолы всю жизнь придерживались того ожидания, которое под конец оказалось ложным. И ввел их в это ожидание никто иной, как сам Иисус. Да, Он не ответил прямо на вопрос: когда? Да, Он не раз уклонялся от такого ответа. Кроме того, Он сообщил им практически очень важные наставления для еврейских христиан *рода сего*

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.